

Воспоминанія жизни В. Г. Тернера¹⁾.

Вслѣдъ за отъѣздомъ вице-короля, я отправился на берегъ, чтобы присутствовать при религіозной церемоніи освященія канала, которая должна была совершиться въ этотъ день. На песчаномъ берегу была устроена деревянная пристань, около которой толпились сотни лодокъ, яликовъ и ботовъ всѣхъ размѣровъ и формъ; египетскіе лодочники, французскіе, англійскіе, прусскіе и русскіе матросы перекликивались между собою, съ трудомъ пролагая себѣ путь. Весь берегъ на значительномъ протяженіи былъ украшенъ мачтами, на которыхъ развѣвались разноцвѣтные флаги. Немедленно за пристанью возвышались деревянныя довольно пестро украшенныя триумфальныя ворота, за которыми другой рядъ флаговъ указывалъ путь, по которому должна была шествовать процессія къ трибунамъ, предназначеннымъ для богослуженія. Вдоль всей этой дороги были выстроены шпалерами египетскія войска. Шествіе всей процессіи происходило въ довольно живописномъ безпорядкѣ по узкимъ деревяннымъ мосткамъ, проложеннымъ по глубокому песку, на которомъ мѣстами стояли большія лужи морской воды. Вслѣдъ за вице-королемъ, императрицей Евгеніей и иностранными принцами, хлынула толпа зрителей и совершенно перемѣшалась съ лицами свиты; всѣ толпились и спѣшили, какъ бы только добраться первымъ, чтобы занять выгодныя мѣста. Разнообразные дипломатическіе и военные мундиры смѣшивались съ сюртуками и пиджаками мѣстныхъ жителей и бурнусами арабовъ; кое-гдѣ пробивались дамы въ нарядныхъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

туалетахъ,—все это текло живою, пестрою струею, между войсками, вдоль ряда деревянныхъ домовъ, окна коихъ были наполнены любопытными лицами, смотрѣвшими на эту пеструю картину, освѣщенную яркими лучами солнца. Послѣ десятиминутнаго шествія мы прибыли къ мѣсту, гдѣ должна была происходить религіозная церемонія. Здѣсь, по песчаной площадкѣ между двумя пространствами воды, озеромъ Мензалэ и моремъ были выстроены три трибуны, весьма красиво разукрашенныя флагами и пальмовыми вѣтками. Въ большой средней трибунѣ были устроены мѣста для хедива и прочихъ высочайшихъ особъ; лѣвая трибуна была назначена для магометанскаго духовенства, а правая для католическаго. Говорили, что первоначальная мысль была совершить богослуженіе по обряду всѣхъ главнѣйшихъ религій, въ видѣ символа братства всѣхъ народовъ, экономическіе интересы которыхъ должны были соединиться во вновь проложенномъ пути. Это однако не вполне удалось, потому что изъ представителей христіанскихъ религій никто, кромѣ католическаго духовенства, не согласился въ этомъ участвовать. По окончаніи богослуженія, оглушительные залпы артиллеріи возвѣстили, что освященіе канала совершилось.

Слѣдующій день было то 5/17 ноября, которое уже за шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ было провозглашено днемъ открытія канала. Входъ судовъ въ каналъ былъ назначенъ рано утромъ, такъ какъ предстоялъ довольно продолжительный путь въ Измаилію, куда первыя суда должны были придти къ вечеру. Намъ объявили, что пароходъ „Эль-Мазръ“ едва-ли пойдетъ въ этотъ день, такъ какъ вслѣдствіе его большихъ размѣровъ, онъ могъ засѣсть гдѣ-либо въ каналѣ и преградить путь другимъ судамъ; потому пассажиры „Эль-Мазра“ должны были перебраться рано утромъ на другой пароходъ, „Эль-Габіэ“, который долженъ былъ везти ихъ по каналу. Едва начало свѣтать, какъ уже всѣ пассажиры поднялись на ноги, толпясь около трапа, чтобы поскорѣе пробраться на лодки, которыя должны были перевезти ихъ на новый пароходъ, опасаясь, что въ случаѣ запозданія придется оставаться въ Портѣ-Саидѣ. „Эль-Габіэ“ стоялъ во внутреннемъ бассейнѣ, близъ входа въ каналъ, и мы причалили къ нему въ 6 часовъ утра. Пароходъ этотъ былъ нѣсколько меньше „Эль-Мазра“, но тоже довольно значительныхъ размѣровъ. Онъ отличался особенно роскошнымъ убранствомъ общаго пассажирскаго салона. Золоченая мебель, бронза и хрусталь, флорентинская мозаика столовъ, богатая атласная драпировка надъ дверьми и окнами, драгоцѣнные ковры, весьма артистическая живопись, которою были украшены стѣны,—все это придавало салону парохода сказочно-роскошный восточный характеръ, а

мягкіе, низкіе, атласные диваны, окружавшіе всѣ стѣны, какъ бы напоминали, что пароходъ „Эль-Габіа“,—прежде любимое судно хедива, пока онъ не приобрѣлъ парохода „Махруся“,—былъ отдѣланъ для пріема гарема вице-короля, а совершенно не для той весьма разнохарактерной и разнообразной толпы, которая въ то время въ немъ ютилась. Тутъ были и медіатизированный нѣмецкій принцъ и австрійскій ученый, и англійскій туристъ, и американскій журналистъ, и голландскій мичманъ съ военнаго судна, и кого тутъ не было. Нѣкоторые весьма безцеремонно разваливались въ сапогахъ на роскошные диваны, другіе расположились съ записными книжками около столовъ,—но всѣ оставивъ „Эль-Мазръ“ натошакъ, съ особеннымъ вниманіемъ посматривали, не подадутъ ли завтракъ. Повидимому, однако, кухня не торопилась такъ же рано перебраться на нашъ пароходъ, какъ нетерпѣливые пассажиры, потому что не дѣлалось никакихъ приготовленій для питанія голодающихъ; но опасенія умереть съ голода скоро разсѣялись, когда около восьми часовъ утра къ пароходу пристали лодки съ провизіей и французскимъ кухмистеромъ. Еще не успѣли перенести всѣ ящики и корзины на пароходъ и накрыть столы, какъ уже часть хлѣба, вина и фруктовъ, привезенныхъ въ открытыхъ корзинахъ, разошлась по рукамъ пассажировъ, которые весьма безцеремонно спѣшили утолить первый голодъ. Пароходъ между тѣмъ преспокойно стоялъ на якорѣ и не дѣлалъ еще никакихъ приготовленій къ отплытію. Стали даже поговаривать, что мы въ тотъ день совсѣмъ не отправимся, что какой-то пароходъ, пошедшій впередъ, чтобы осмотрѣть, все ли въ порядкѣ въ каналѣ, засѣлъ на отмели, и что затѣмъ прочимъ судамъ невозможно войти въ каналъ. Мы уже начинали сожалѣть, что понапрасно рано поднялись съ нашего парохода, такъ какъ въ портѣ все равно, стоятъ ли на „Эль-Мазрѣ“ или на „Эль-Габіа“,—а войти въ каналъ оставалось мало надежды, но къ счастью мы скоро убѣдились, что всѣ эти слухи неосновательны. Окружавшія насъ суда вдругъ пришли въ движеніе, и ровно въ восемь часовъ утра я увидѣлъ, какъ пароходъ „Эгль“ съ императрицею Евгеніей вошелъ въ каналъ. За нимъ потянулись всѣ другіе по очереди, которая впередъ была назначена; у cadaго судна на мачтѣ висѣлъ четырехугольный синій флагъ съ номеромъ, по которому оно должно было вступить въ ряды другихъ судовъ, отправлявшихся въ каналъ. Суда шли медленно и на разстояніи 500 метровъ одно отъ другого, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при почти одновременномъ входѣ 40 большихъ судовъ въ каналъ, береговое волненіе могло бы сдѣлаться весьма значительнымъ и размыть мѣстами песчаный берегъ канала. Дальнѣйшее теченіе канала было

скрыто отъ взоровъ лицъ, находившихся еще въ бассейнѣ, невысокою береговою насыщью, а потому идущія по каналу суда казались какъ-бы плывущими по песку пустыни, представляя такимъ образомъ весьма оригинальное и своеобразное зрѣлище. Очередь дошла до насъ довольно поздно. Около 2 часовъ и у насъ стали поднимать якорь, и ровно въ 3 часа по полудни мы прошли между двумя деревянными, выкрашенными подъ цвѣтъ краснаго песчаника, обелисками, украшенными пальмовыми вѣтвями, которыя стояли при входѣ въ Суэзскій каналъ. Послѣ долгаго ожиданія, энтузіазмъ пассажировъ возросъ значительно; многіе бросились на самый носъ парохода, чтобы первымъ войти въ каналъ. Передъ моими глазами открылось обширное низменное озеро „Мензалэ“, прорѣзываемое каналомъ почти по прямой линіи и отдѣленное отъ канала широкою не высокою насыщью. Передъ нами вдали виднѣлось до десяти пароходовъ, которые, какъ черныя точки, двигались впередъ по каналу въ равномъ разстояніи. За нами лежалъ Портъ-Саидъ.

Первыя пятьдесятъ верстъ за Портъ-Саидомъ каналъ былъ проложенъ по совершенно прямому направленію, имѣя на всемъ этомъ протяженіи полную ширину въ сто метровъ.

Пароходъ нашъ подвигался медленно, около пяти верстъ въ часъ. Волна, гонимая пароходомъ, едва доходила до берега, нисколько не размывая песчанаго берегового откоса. Все пространство, обнимаемое глазомъ, представляло пустынную равнину, безъ всякихъ признаковъ обитаемыхъ мѣстностей. Переносясь мысленно во времена древности, трудно вѣрится, что въ этой пустынѣ нѣкогда тѣснилось значительное народонаселеніе, что здѣсь стояли богатые города въ нѣсколько сотъ тысячъ жителей, какъ напримѣръ, Пелузій, подъ стѣнами которыхъ проходили войска Рамзеса, Камбиза, Дарія, Александра Македонскаго,—сюда же присталъ Помпей послѣ фарсальской битвы и былъ здѣсь убитъ по приказанію Птолемея. Нынѣ взоръ путешественника тщетно ищетъ въ этихъ мѣстахъ какихъ-либо остатковъ наполнявшей ихъ въ древности горячей жизни, признаковъ, которые бы свидѣтельствовали о прежнемъ историческомъ значеніи всего этого края. Время стерло неумолимой рукой всякое вещественное воспоминаніе его прошлаго.

По лѣвую сторону канала разстилалась однообразная песчаная волнистая степь — это былъ такъ называемый азіатскій берегъ канала. Съ правой стороны, по африканскому берегу разстилалось озеро Мензалэ. Поверхность стоячей, болотистой воды отражала, какъ зеркало, солнечные лучи. Мѣстами эта блестящая поверхность прерывалась пустынными песчаными островами. Вдали за ними виднѣлся Портъ-Саидъ, изъ-за котораго выглядывалъ маякъ, и по-

казывались мачты стоящихъ въ портѣ судовъ. Отъ времени до времени намъ попадались навстрѣчу лодки, которыя тянулись бичевою вдоль берега. Ихъ тянули бурлаки-арабы, медленно ступая босыми ногами мѣстами по песку и мѣстами по водѣ.

На пятнадцатой верстѣ отъ Портъ-Саида мы встрѣтили на берегу канала первое поселеніе Раз-эл-эхъ. Нѣсколько одноэтажныхъ деревянныхъ домиковъ служили помѣщеніемъ инженерамъ, смотрителямъ и рабочимъ на этой части канала. Кромѣ того здѣсь былъ устроенъ запасный магазинъ, госпиталь, почтовое и телеграфное отдѣленіе. Около нѣкоторыхъ домовъ уже начинали разводить сады; въ сторонѣ возвышалось чугунное цилиндрическое строеніе—резервуаръ прѣсной воды, проведенной изъ Нила вдоль всего берега морского канала. Прѣсноводный каналъ, шедшій изъ Гасасина, доходилъ только до Измаиліи и затѣмъ направлялся вправо къ Суэзу. Влѣво же прѣсная вода шла по чугуннымъ водопроводнымъ трубамъ, проложеннымъ по береговой насыпи, прерываемымъ отъ времени до времени чугунными же резервуарами.

Не имѣвъ возможности дойти раньше поздняго вечера до слѣдующей стоянки Эль-Кантара и опасаясь плыть въ темнотѣ, мы бросили якорь у Раз-эл-эхъ, рѣшившись переночевать въ этомъ мѣстѣ. Вечеръ былъ чудный, теплота воздуха напоминала наши іюльскіе вечера—а это было въ ноябрѣ. Обѣденный столъ накрыли на палубѣ, потому что никто изъ пассажировъ не рѣшался идти въ каюту, всѣ желали насладиться чуднымъ зрѣлищемъ заката солнца, которое спускалось на горизонтѣ въ воды озера Мензала, освѣщая всю мѣстность краснымъ заревомъ. Передъ нами слетѣли на воду два пеликана, которыхъ около этой мѣстности должно было водиться много, если судить по тому, что одинъ изъ близлежащихъ песчаныхъ острововъ назывался „островомъ пеликановъ“. Населеніе Раз-эл-эха высыпало на берегъ посмотрѣть на проѣзжающихъ; по береговой насыпи прошелъ отрядъ кавалеріи по направленію къ Измаиліи; нѣкоторыя лошади рвались и бѣсились, едва сдерживаемыя сѣдоками, ловко ими управлявшими; одна лошадь скатилась съ песчаной насыпи, не причинивъ никакого вреда ни себѣ, ни своему сѣдоку. Вскорѣ послѣ обѣда совершенно стемнѣло,—но вотъ вышла луна и освѣтила серебристыми лучами всю окружающую мѣстность. Такъ какъ на палубѣ между пассажирами было много дамъ, то начались оживленные танцы; около 9 часовъ музыка смолкла, но долго еще пассажиры оставались на палубѣ въ веселой бесѣдѣ, любуясь теплою чудною ночью. Я отправился въ каюту писать письма и здѣсь уже засталъ за большимъ столомъ въ каютѣ-компаніи корреспондентовъ англійскихъ, американскихъ и нѣмецкихъ

газетъ, трудившихся надъ составленіемъ отчетовъ о Суэзскомъ каналѣ и его открытіи.

Проложеніе канала по болотистой мѣстности озера Мензала представляло не мало затрудненій. Употребленіе машинъ ни къ чему не вело, потому что прокопанное пространство вскорѣ опять заносилось иломъ, при томъ и число самыхъ машинъ въ распоряженіи строителей было въ началѣ крайне ограничено. Затрудненіе удалось преодолѣть только благодаря трудамъ мѣстнаго населенія, разбросаннаго по озеру Мензалэ и привыкшаго работать въ водѣ и илѣ, растягивая рыболовныя сѣти. Они голыми руками выкопали первое углубленіе канала, по которому впоследствии, когда барщина была прекращена, были проведены на ботахъ тѣ машины, которыми была докончена копка. Говорили, что администрація, соображаясь со способомъ копки европейскихъ рабочихъ, устроила надъ водою деревянные помостки, съ которыхъ рабочимъ предоставлялось выгребать лопатами землю изъ-подъ воды; но арабы, не привыкшіе къ употребленію этихъ орудій, никакъ не могли съ ними совладать; работа не шла, пока имъ не разрѣшили обратиться къ своему собственному, весьма элементарному способу копки: они становились ногами въ воду, выгребали руками илъ, выжимали изъ него воду и полученные такимъ образомъ глыбы твердой липкой массы раскладывали по краямъ канала, образуя искусственную ручную плотину, достаточно крѣпкую для противодѣйствія на нѣкоторое время приливу жидкаго ила въ только что выкопанное пространство. Этимъ первобытнымъ способомъ было вырыто первое углубленіе канала на протяженіи 44 верстъ, т. е. вдоль всего озера Мензалэ.

Дальнѣйшее наше плаваніе до озера Белла было довольно однообразно; каналъ тянулся по пустыннымъ равнинамъ, отчасти песчанымъ, отчасти болотистымъ. На всемъ этомъ пространствѣ послѣ Раз-эл-эха встрѣтились только два болѣе значительныя поселенія: Эль-Кантара и Эль-Ферданъ. Кантара или Касне-Кантара значитъ по-арабски мостъ сокровищъ, вѣроятно потому, что черезъ это мѣсто пролегалъ караванный путь изъ Египта въ Сирію. Арабское поселеніе, въ которомъ останавливались караваны, находилось на азіатскомъ берегу въ двухъ верстахъ отъ канала. На самомъ берегу было расположено европейское поселеніе, въ которомъ жили инженеры и рабочіе канала; характеръ построекъ и вся обстановка въ Кантарѣ и Эль-Ферданѣ походила на поселеніе Раз-эл-эхъ, только нѣсколько большихъ размѣровъ. Всѣ эти мѣстности были украшены зеленью и флагами. За Эль-Кантара начинаютъ появляться первые признаки растительности. Тошіе тамариковые кусты были изрѣдка

разбросаны по песчаной почвѣ. Легкостью, съ которою принимаются тамариксы при малѣйшемъ орошеніи, даже на голомъ песку, намѣревались воспользоваться, чтобы засадить ими береговые откосы и такимъ образомъ утвердить песокъ, легко подверженный дѣйствию вѣтра и могшій производить заносы и засореніе канала. Берега канала впрочемъ далеко не на всемъ протяженіи состояли изъ зыбучаго песку. Пески преобладали только на срединѣ канала между Эль-Кантары и Горькими Озерами, хотя и тутъ мѣстами, какъ, напр., около Эль-Гитра встрѣчались известковые и глиняные слои, дававшіе довольно твердый грунтъ. По всему протяженію первыхъ пятидесяти верстъ, проложенныхъ по озеру Мензалэ, береговныя дамбы и откосы, состоявшіе изъ высушаго ила съ пескомъ, уже тогда совершенно отвердѣли и не представляли болѣе никакой опасности размыва береговъ.

Доказательствомъ твердости и солидности береговой насыпи вдоль Мензалэ могло служить то обстоятельство, что проложенный по ней водопроводъ, существовавшій уже нѣсколько лѣтъ, оставался цѣль и невредимъ.

За Эль-Кантары песчаный берегъ образуетъ значительные холмы высотой отъ 8 до 10 саженой. Эти холмы достигали наибольшей высоты около Эль-Фердана, такъ что въ этой мѣстности пришлось не только съузить мѣстами ширину канала до 80 и даже до 60 метровъ, но кромѣ того допустить довольно сильный изгибъ канала, чтобы воспользоваться естественной ложбиной между двумя холмами. Вотъ почему проходъ этого пространства представлялъ нѣкоторую трудность, что намъ и пришлось испытать на собственномъ опытѣ. Нѣсколько не доходя до Эль-Фергана нашъ пароходъ коснулся берега и долженъ былъ остановиться. Благодаря ловкимъ распоряженіямъ капитана, онъ однако скоро снялся съ мели, но при этомъ былъ выведенъ изъ нормальнаго положенія, не могъ немедленно стать по фарватеру и нѣсколько далѣе опять врѣзался въ берегъ уже гораздо глубже прежняго. Послѣ первыхъ попытокъ сняться съ мели, оказалось, что на это потребуется нѣсколько часовъ работы. Пассажирамъ предложили пересѣсть на два небольшихъ рѣчныхъ парохода, которые оказались подъ рукою; всѣ наскоро перебрались на нихъ съ своимъ багажемъ, который занялъ большую часть палубы, такъ что съ трудомъ можно было отыскать мѣсто присѣсть гдѣ-либо на чемоданѣ или ящикѣ. Странствованіе на этихъ пароходахъ продолжалось впрочемъ не долго; часа полтора послѣ выхода изъ озера Белла, мы вошли въ обширный бассейнъ озера Тимза, который былъ наполненъ судами, шедшими впереди насъ, и передъ нашими взорами открылся городъ Измаилія.

Городъ лежитъ въ нѣсколькихъ тысячахъ шаговъ отъ берега озера, отъ котораго онъ отдѣленъ прѣсноводнымъ каналомъ. Широкая песчаная равнина между озеромъ и городомъ представляла удивительное зрѣлище; казалось, что всѣ племена востока сошлись на этомъ пространствѣ съ представителями всѣхъ европейскихъ странъ. Трудно было представить себѣ болѣе пестрое смѣшеніе костюмовъ и лицъ... Вся равнина, лежащая передъ городомъ, была преобразована въ импровизированный лагерь; на ней были раскинута сотни палатокъ для пріюта прибывшихъ гостей. Въ каждой палаткѣ помѣщались по двѣ постели и самая необходимая мебель; передъ палатками валялись чемоданы, картонки, ящики; нѣсколько въ сторонѣ были раскинута арабскія палатки, въ которыхъ пріютились представители мѣстнаго населенія, приглашенные хедивомъ на праздникъ открытія канала. На дорогѣ отъ пристани до города и по главной улицѣ были выстроены египетскія войска; повсюду двигалась густая пестрая толпа, въ которой съ трудомъ пробивали себѣ дорогу ослы съ погонщиками, всадники на кровныхъ арабскихъ лошадяхъ и экипажи всѣхъ возможныхъ формъ и самой разнообразной упряжи: тутъ были обыкновенныя коляски, похожія на любой фіакръ въ Вѣнѣ или Парижѣ, коляски, запряженныя верблюдами, и изящныя фаэтоны à la Daumont, шестерикомъ съ жокеями верхами.

Измаилія, названная такъ въ честь тогдашняго вице-короля, Измаила-паши, былъ уже тогда довольно значительный городъ, расположенный по правильно разбитому плану, перерѣзанный прямоугельно довольно широкими улицами, изъ которыхъ нѣкоторыя были даже и съ тротуаромъ по краямъ. Главная улица, Quai Mehmet Ali, шедшая вдоль прѣсноводнаго канала, обращенная лицомъ къ озеру Тимза, была обстроена красивыми каменными и деревянными одноэтажными домами, украшенными по фасаду деревянной рѣзбой, въ родѣ швейцарскихъ шалэ. Передъ каждымъ домомъ былъ разведенъ красивый садикъ, въ которомъ акаціи перемежались съ бананами, а между деревьями были раскинута клумбы съ яркими цвѣтами. На этой улицѣ жили главнѣйшіе дѣятели Суэзскаго канала—Лессепсъ, Лаваллэ, Гишаръ и другіе. Отыскивая знакомаго, я вошелъ въ одинъ изъ этихъ домовъ; внутри дома, на четырехъ-угольномъ дворѣ былъ разведенъ въ восточномъ вкусѣ второй садъ, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, въ которомъ прогуливались ручныя серны, пугливо посматривая на пришельца; кругомъ сада была обведена четырехугольная галлерей, по угламъ которой были выставлены глиняные арабскіе сосуды съ водою, которой приходящій могъ утолять жажду, возбужденную палящими лучами солнца. На концѣ улицы возвышался дворецъ Измаила-паши, тогда еще не

совершенно оконченный, въ которомъ вечеромъ долженъ былъ происходить блестящій балъ. На этомъ балу оказалась такая масса приглашенныхъ, что несмотря на присутствіе разныхъ Высочайшихъ особъ едва можно было двигаться, такъ какъ дворецъ вообще не очень великъ; о танцахъ не могло быть и рѣчи. Такимъ образомъ, несмотря на блестящую обстановку, балъ оказался далеко не удавшимся; при высокой температурѣ, въ залахъ царствовала тропическая жара,—можно было только о томъ помышлять, какъ бы скорѣе выбраться изъ этихъ роскошныхъ покоевъ.

За набережной Мехметъ-Али, считавшейся аристократическимъ кварталомъ, расположены четырехъ-угольниками группы каменныхъ домовъ, чисто и хорошо построенныхъ; въ одной изъ внутреннихъ улицъ расположены въ видѣ базара лавки, магазины, кофейни, трактиры и разныя увеселительныя заведенія; ими же наполненъ такъ называемый греческій кварталъ. По значительному числу увеселительныхъ заведеній, можно было заключить, что запросъ на нихъ не маловаженъ. Въ Измаилію стекалось рабочее населеніе со всего канала, чтобы заpastись нужными вещами, а вмѣстѣ и повеселиться. Компанію Суэскаго канала упрекали въ томъ, что она слишкомъ покровительствовала увеселительнымъ заведеніямъ, изъ которыхъ многія были устроены на ея счетъ. Въ этихъ винныхъ погребахъ, пивныхъ лавкахъ, рулеткахъ и т. п. притонахъ, рабочіе спускали заработанныя деньги, такъ что многіе изъ нихъ послѣ продолжительной тяжелой работы возвращались домой почти нищими.

Посреди города на большомъ скверѣ, обстроенномъ каменными домами, былъ разведенъ городской садъ, богато убранный цвѣтами и красивыми вьющимися растеніями. Тутъ же въ саду, при всѣхъ, какой-то арабъ совершалъ молитву; снявъ верхнее платье и положивъ его на траву, онъ сталъ на колѣни и, обратившись лицомъ къ солнцу, по правиламъ корана, погрузился въ молитву, не обращая никакого вниманія на проходящихъ. При выходѣ изъ сада мнѣ попался навстрѣчу большой четырехугольный ящикъ, везомый на двухколесной телѣжкѣ; на немъ была надпись „Compagnie d'usage publique, точь-точь, какъ въ Парижѣ, но въ телѣжку былъ запряженъ верблюдъ, котораго велъ арабъ въ дырявомъ бурнусѣ.

На углу одной изъ улицъ былъ помѣщенъ въ стѣнѣ памятникъ графу Сала изъ бѣлаго мрамора. Графъ Сала, одинъ изъ первыхъ строителей канала, умеръ за нѣсколько лѣтъ до окончанія этого громаднаго предпріятія. Вообще многимъ изъ главныхъ дѣятелей не суждено было видѣть осуществленія дѣла, которому они посвятили всѣ свои труды и заботы. Такъ, напримѣръ, Боррель, производив-

шіи вмѣстѣ съ Лавалле машинную копку большей части канала, умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до его открытія.

Впослѣдствіи мнѣ удалось еще разъ побывать въ Измаиліи. Видѣвъ Суэзскій каналъ въ праздничномъ нарядѣ, мнѣ хотѣлось посмотреть на него въ обыкновенное время. Нѣсколько дней послѣ окончанія всѣхъ празднествъ, мы отправились въ обществѣ нѣкоторыхъ соотечественниковъ изъ Каира обратно въ Измаилію, снабженные рекомендаціей къ Лессепсу отъ нашего генеральнаго консула. Благодаря этой рекомендаціи мы получили возможность нѣсколько ближе познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ и провести почти цѣлый день въ его обществѣ. Лессепсъ принялъ насъ просто, но любезно, и сейчасъ же объявилъ намъ, что, пріѣхавъ къ нему въ Измаилію, мы должны отобѣдать и переночевать у него, — такъ какъ онъ насъ не отпуститъ раньше слѣдующаго утра.

Лессепсъ тогда уже былъ не молодъ; ему было за шестьдесятъ лѣтъ, но, несмотря на то, все въ немъ дышало еще необыкновенной энергіей и даже относительно молоджавостью, хотя умныя черты лица его и были уже окаймлены густыми сѣдыми волосами. Во всѣхъ его движеніяхъ высказывалась нѣкоторая живость и даже отрывочность; по всему было видно, что это человѣкъ способный на неутомимую дѣятельность и привыкшій не терять ни минуты дорогого для него времени. Замѣчательна была во всемъ проявлявшаяся у него простота; до какой степени онъ мало заботился о комфортахъ для себя, я могъ лично убѣдиться на другое утро, когда засталъ его при купаньѣ въ каналѣ. Для него не было устроено ни купальни, ни какихъ-либо особенныхъ приспособленій, онъ купался, просто раздѣвшись на маленькомъ плотикѣ, на которомъ даже не было скамеекъ, и при томъ обходился безъ всякой прислуги.

Мы случайно пріѣхали въ Измаилію нѣсколько дней послѣ свадьбы Лессепса. Онъ женился на молодой и красивой дѣвушкѣ, креолкѣ, дочери богатаго судостроителя въ Марсели. Я познакомился съ его женою, которая обращалась съ посѣтителями ея знаменитаго мужа нестѣсненно и очень любезно. Самый домъ, находившійся на набережной Мехметъ-Али, былъ не великъ; по размѣрамъ и устройству комнатъ онъ напоминалъ наши дачи средней величины. Комнаты были меблированы просто, но со вкусомъ и украшены цвѣтами. Большой букетъ въ красивой вазѣ, стоявшій на столѣ въ гостиной, напоминалъ, что это жилище новобрачныхъ. Около дома, въ боковомъ флигелѣ былъ расположенъ цѣлый рядъ маленькихъ комнатъ для пріѣзжихъ гостей, чисто, уютно, но тоже весьма просто убранныхъ. Лессепсъ былъ отличнымъ верховымъ ѣздокомъ и большой любитель арабскихъ лошадей. Послѣ обѣда,

каждый день все общество, онъ, его жена и гости отправлялись кавалькадой гулять по степи. М-мъ Лессепсъ, разговаривая со мною, рассказала мнѣ, что нѣсколько дней тому назадъ она была въ большой опасности. Она выѣзжала также верхомъ, вдругъ ея лошадь чего-то испугалась и понесла, не было никакой возможности остановить ее, и она бросилась бы съ своею наѣздницею въ каналъ, если бы въ послѣднюю минуту проходящій арабъ не набросилъ ей на голову свой бурнусъ. Лишенная возможности смотрѣть, лошадь остановилась какъ вкопанная, и м-мъ Лессепсъ была спасена.

Въ этотъ день послѣ обѣда была тоже устроена кавалькада. Когда мы сѣли на лошадей, и я подѣхалъ къ м-мъ Лессепсъ, она сказала мнѣ: „*Vous avez justement le cheval, qui m'a emporté avant hier*“. Сознаюсь, что это сообщеніе подѣйствовало на меня не очень пріятно, однако прогулка обошлась благополучно. По городу мы всѣ проѣхали шагомъ, и только что выѣхали въ пустыню, вся кавалькада пустила лошадей въ карьеръ. На ровной песчаной мѣстности эта ѣзда оказалась очень пріятною, такъ какъ арабскія лошади скачутъ мягкимъ ровнымъ шагомъ, безъ всякаго движенія въ сторону. Проѣхавшись этимъ аллюромъ часа два, наши лошади нѣсколько устали, и мы совершенно спокойно доѣхали до дома. Однообразная песчаная степь, которая окружаетъ Измаилію, служила для Измаильскихъ жителей, хорошо знакомыхъ съ нею по всѣмъ направленіямъ, мѣстностью весьма разнообразныхъ прогулокъ. Какъ мнѣ рассказывала м-мъ Лессепсъ, они окрестили въ воспоминаніе Парижа, различныя мѣстности ихъ прогулокъ, болѣе или менѣе собственными названіями, напомилавшими парижскія окрестности. Такъ напр. мѣстность, обросшая низкимъ можжевельнымъ кустарникомъ, по дорогѣ въ Туссуми, называлась у нихъ Bois de Boulogne, находившееся среди ея болото—les lacs и т. п.

Лессепсъ на постройкѣ канала не обогатился; несмотря на то, что онъ ворочалъ сотнями милліоновъ, онъ не позаботился составить себѣ большое состояніе. Зная, съ какою нецеремонною легкостію французскіе антрепренеры и учредители разныхъ обществъ наживаютъ милліоны, нельзя было не преклониться съ почтеніемъ передъ безкорыстіемъ Лессепса, который въ то время служилъ только дѣлу и своей идеѣ, не заботясь о всемъ остальномъ и высказывая равное пренебреженіе какъ къ деньгамъ, такъ и орденамъ, которыми его осыпали со всѣхъ сторонъ.

Грустно подумать, какъ печально закончилась судьба этого знаменитаго дѣятеля, стоявшаго послѣ окончанія постройки Суэзскаго канала въ зенитѣ своего величія.

Извѣстно, что нѣсколько лѣтъ спустя, группа капиталистовъ съ

Лессепсомъ во главѣ предпріяли прорытіе Панамскаго перешейка. Результаты этого новаго предпріятія обрушились тяжелою бѣдою на бѣднаго Лессепса. На это предпріятіе были потрачены сотни милліоновъ, до милліарда франковъ, и дѣло оказалось неудачнымъ; пришлось все бросить, затраченные капиталы обратились въ ничто. Оказалось, что почвенныя, климатическія и санитарныя условія той мѣстности, по которой долженъ былъ пролегать каналъ, были до того неблагоприятными, что казалось невозможнымъ продолжать дѣло. Въ настоящее время Америка взяла въ свои руки сооруженіе Панамскаго канала, но достигнетъ ли она лучшихъ результатовъ, еще вопросъ.

Очевидно, въ началѣ изысканія были сдѣланы слишкомъ поверхностно, такъ что строители не предвидѣли тѣхъ трудностей, съ которыми имъ пришлось встрѣтиться. Сотни милліоновъ расходовались, и дѣло не подвигалось; первая смѣта оказалась превзойденною уже въ самомъ началѣ работъ; предприниматели, однако, не хотѣли бросать дѣло, приходилось добывать все новыя и новыя сотни милліоновъ, и для того описывать дѣло, уже погибшее, въ самомъ розовомъ свѣтѣ; подъ конецъ, для финансированія дѣла правленіе стало прибѣгать къ такимъ биржевымъ уловкамъ, которыя подходили близко подъ категорію мошенничества; кончилось дѣло все же полнымъ разореніемъ, и главные дѣятели и самъ Лессепсъ попали на скамью подсудимыхъ. Крахъ панамскаго дѣла раззорилъ массу мелкихъ рантьеровъ, которые вѣрили блестящимъ обѣщаніямъ, распространявшимся въ журналахъ, и беззавѣтно бросали свои капиталы въ эту бочку Данаидовъ. Панамскій крахъ сдѣлался на долгое время нарицательнымъ прозваніемъ всякихъ мошенническихъ биржевыхъ спекуляцій.—Какъ же Лессепсъ, такъ умно и безкорыстно дѣйствовавшій при постройкѣ Суэзскаго канала, могъ увлечься на такія сдѣлки? По всей вѣроятности дѣйствовалъ не онъ, а окружавшіе его люди, которые его увлекали и пользовались его именемъ. Въ моментъ краха ему было уже за 80 лѣтъ; очевидно, такой старикъ не могъ энергически вести новое трудное предпріятіе и находился въ рукахъ второстепенныхъ дѣятелей. Его старость и болѣзнь избавили его самого отъ печальной необходимости сѣсть на скамью подсудимыхъ и избавили Францію отъ такой же печальной необходимости преслѣдовать уголовнымъ порядкомъ человека, на котораго она привыкла смотрѣть какъ олицетворяющаго геній Франціи. Въ моментъ, когда панамское дѣло перешло въ судъ, Лессепсъ былъ уже въ такомъ старческомъ и умственномъ упадкѣ, что онъ, кажется, не могъ отдавать себѣ отчета въ томъ, что происходило; семейство же его, вѣроятно, скрывало передъ нимъ весь трагизмъ

положенія. При такихъ условіяхъ, хотя приговоръ суда коснулся и его, но его оставляли въ покоѣ,—онъ доживалъ свои дни въ загородной дачѣ и скоро послѣ того скончался.

Окончательная удача Суэзскаго предпріятія, которое, во время постройки, тоже испытывало критическія минуты, вѣроятно заставляла предпринимателей Панамскаго канала рассчитывать, что и тутъ дѣло оправдается, лишь бы привести каналъ къ окончанію. Сооруженіе Суэзскаго канала ко времени его открытія обошлось около 420 мил. франковъ. Изъ нихъ 200 милліоновъ были внесены акціонерами ¹⁾, сто милліоновъ получены выпускомъ облигацій, реализація которыхъ, при низкой ихъ биржевой цѣнѣ, обошлась компаніи по 10⁰/₀, остальные сто двадцать милліоновъ составились изъ 80 милліоновъ, полученныхъ отъ египетскаго правительства, и 20 милліоновъ отъ вице-короля, который при томъ отказался отъ дивиденда, причитавшагося на его акціи. А затѣмъ требовались еще капиталы на достройку канала, средства на его содержаніе, ежегодный расходъ на платежъ процентовъ и расходы по содержанію канала, всего 30 мил. франковъ. Высказывались потому, повидимому, основательныя сомнѣнія въ томъ—окупится ли когда-либо это предпріятіе—и все же оно окупилось. Замѣчательно, что даже Англія вначалѣ смотрѣла съ недоувѣріемъ на все это дѣло и сторонилась отъ него, — а впослѣдствіи она пріобрѣла почти всѣ акціи, такъ что теперь Суэзскій каналъ изъ рукъ Франціи перешелъ въ руки Англіи.

И такъ какъ суэзское дѣло выгорѣло только благодаря помощи, оказанной египетскимъ правительствомъ, поэтому можно было ожидать, что и Панамское дѣло какъ-нибудь, *à la longue*, выгоритъ, нужно было только не бросить дѣло, а чтобы не бросить его, требовались все новыя и новыя сотни милліоновъ, которыя добывались уже крайне неразборчивыми средствами; ставъ разъ на эту наклонную плоскость, трудно было остановиться, дѣло должно было дойти до полного раззоренія и до скамьи подсудимыхъ для дѣятелей.

Но возвращаюсь, послѣ этого отступленія, къ продолженію описанія моего путешествія и къ первому пребыванію въ Измаиліи.

Въ Измаиліи все поражало удивительнымъ смѣшеніемъ востока съ европейской цивилизаціей. Восточный отсталый консерватизмъ и послѣднее слово европейскаго комфорта,—такъ на примѣръ поразительно была красивая коляска, запряженная верблюдами.

¹⁾ Замѣчательно, что изъ всего количества акцій въ Россіи было подписано 24.000, такъ что послѣ Франціи и Австріи Россія являлась третьею изъ Европейскихъ странъ по участію въ Суэзскомъ предпріятіи. Къ сожалѣнію, эти акціи вѣроятно не остались въ нашихъ рукахъ.

Самымъ рельефнымъ контрастомъ въ этомъ отношеніи служили съ одной стороны красивыя европейскія постройки, дворецъ хедива, масса европейцевъ на улицахъ, и съ другой стороны арабскій лагерь. Для участія въ торжествѣ открытія канала изъ разныхъ мѣстностей Египта стеклись къ этому дню въ Измаилію до 30.000 арабовъ со своими шейхами; они размѣстились въ палаткахъ, на большомъ свободномъ пространствѣ между городомъ и каналомъ. Особенно эффектный видъ арабскій лагерь представлялъ вечеромъ. Каждая палатка была освѣщена внутри, кромѣ того повсюду между палатками были развѣшаны фонарики и лампы,—въ разныхъ мѣстахъ пускали фейерверкъ. Все это въ темнотѣ ночи представляло особенно оживленную картину.

Шейхи принимали гостей въ своихъ палаткахъ, въ которыхъ они сидѣли съ восточною важностью, курили, а нѣкоторые изъ нихъ занимались игрою въ шахматы; въ другихъ палаткахъ молились, визжали и вертѣлись дервиши, въ разныхъ мѣстахъ сирійцы выдѣлывали съ дѣтьми акробатическіе фокусы, плясали алмен, за перегородками слышно было пѣніе арабскихъ пѣвицъ. И посреди всего этого двигалась густая толпа арабовъ въ богатыхъ восточныхъ костюмахъ, въ бѣлыхъ и полосатыхъ бурнусахъ и т. п.

Трудно передать впечатлѣніе, производимое на зрителя этимъ восточнымъ праздничнымъ стеченіемъ мѣстныхъ жителей—оно напоминало картину изъ сказокъ тысячи и одной ночи.

На другой день международный флотъ, собравшійся въ озерѣ Тимза, отправился въ дальнѣйшій путь. При входѣ въ каналъ изъ озера на этотъ разъ не было соблюдено того строгаго очередного порядка, какъ въ Портъ-Саидѣ. Одно судно старалось перебить путь у другого и опередить его; такъ какъ поднялся небольшой вѣтеръ, то не разъ случалось, что судно, идущее впереди, вытѣснялось вѣтромъ изъ фарватера, ибо при медленномъ ходѣ трудно было дѣйствовать рулемъ. Такою неудачею немедленно старались воспользоваться другія суда, чтобы занять очистившееся передовое мѣсто. Несмотря на происходившій нѣкоторый беспорядокъ, всѣ суда къ вечеру благополучно вошли въ каналъ. Русскій Черноморскій пароходъ „Адмиралъ Коцебу“, на которомъ мнѣ удалось помѣститься въ Измаиліи и на которомъ я засталъ наше русское общество—С. А. Мордвинова, Кирѣева съ женой, Суцова и др.,—вошелъ въ каналъ около трехъ часовъ и благополучно продолжалъ плаваніе до вечера. Каналъ пролегаетъ на этомъ пространствѣ между высокими песчаными берегами. Къ вечеру мы подошли къ самому опасному мѣсту „Серапеумъ“, у котораго каменный кряжъ прорѣзываетъ каналъ поперекъ; въ этомъ мѣстѣ ко дню открытія

удалось углубить каналъ только до 19 футовъ (нормальная глубина всего канала считалась въ 27 футовъ). Мы шли медленно, слѣдуя усиленнымъ вниманіемъ за движеніемъ предшествующихъ намъ судовъ. Еще не совершенно стемнѣло, какъ шедшій передъ нами громадный пароходъ Messageries Impériales „Пелузій“ сталъ на мель; пришлось и намъ бросить якорь.

Въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ пассажировъ я отправился на лодкѣ осмотрѣть то мѣсто, гдѣ останавливался пароходъ. Обѣхавъ „Пелузій“, мы вышли на азіатскій берегъ и взобрались по высокой насыпи—ноги тонули въ песокъ почти по колѣни. Съ вершины насыпи взоръ блуждалъ по безконечной волнистой песчаной степи, освѣщенной бѣловатымъ луннымъ свѣтомъ.

Утромъ „Пелузій“ лежалъ все еще на прежнемъ мѣстѣ. Мы рѣшились обойти его, хотя нашъ пароходъ, какъ колесный, занималъ довольно много мѣста. Послали промѣрить глубину части канала, оставшейся свободною, и оказалось, что она достаточна. Очевидно было, что „Пелузій“ сѣлъ на мель не вслѣдствіе недостатка глубины, а вслѣдствіе затруднительности управлять рулемъ при медленномъ ходѣ столь громаднаго судна, недостаточно нагруженнаго и потому въ значительной мѣрѣ подвергавшагося дѣйствию вѣтра;—оно на ходу отклонилось отъ середины канала и сѣло на мель, упершись въ берегъ. Тихо и осторожно нашъ пароходъ подошелъ къ „Пелузію“; поровнявшись съ нимъ, перебросили на него канаты, чтобы сдерживаться во время прохода и не уклониться въ другую сторону. Всѣ пассажиры съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за движеніемъ судна; черезъ нѣсколько минутъ восторженные крики „ура“ возвѣстили, что мы благополучно прошли,—съ „Пелузія“ экипажъ и пассажиры махали шапками и кричали: bravo!

Послѣ непродолжительнаго плаванія между тѣми же однообразными песчаными берегами, мы вошли въ Горькія озера. Здѣсь видъ мѣстности совершенно измѣнился; пароходъ плылъ по обширному водному пространству, небольшой вѣтеръ волновалъ поверхность воды, берегъ виднѣлся только издали;—Горькія озера это не болотистая и иловая лужа, какъ Мензалэ, а настоящее озеро. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега уступами возвышались три хребта горъ: Джебель, Генефе, Авебель и Джебель-Атака, подходящій къ Чермному морю, около самаго Суэза. Скалистые хребты горъ, освѣщенные весеннимъ солнцемъ, представляли всѣ оттѣнки цвѣтовъ, отъ бураго до свѣтло-желтаго и ярко-краснаго. Растительности на нихъ не было замѣтно.

Горькія озера—остатки прежняго древнѣйшаго углубленія въ материкъ Суэзскаго залива—представляли до начатія работъ совер-

шенно высохшіи бассейнъ, мѣстами покрытый слоемъ морской соли. Для наполненія его потребовалось впустить до 1.720 милліоновъ кубическихъ метровъ воды (для наполненія озера Тимза потребовалось всего четыре милліона), изъ которыхъ до 300 милліоновъ были поглощены почвой и испареніемъ во время процесса наполненія озеръ. Вслѣдствіе своей величины Горькія озера служатъ уравнивателемъ прилива и отлива воды въ каналѣ. Приливъ и отливъ, не существующіе въ Средиземномъ морѣ, проявляются въ Черномъ морѣ въ довольно значительномъ размѣрѣ, потому что послѣднее имѣетъ характеръ открытаго бассейна, находящагося въ непосредственномъ сношеніи съ океаномъ. Приливъ и отливъ бываетъ на берегахъ Чернаго моря отъ 1 до 2¹/₂ футовъ; въ исключительныхъ случаяхъ онъ доходитъ даже до 6 футовъ, между тѣмъ въ Горькихъ озерахъ уровень воды никогда не измѣняется болѣе, чѣмъ на полъ-фута, а за ними всякое вліяніе прилива и отлива въ каналѣ исчезаетъ.

Мы плыли по Горькимъ озерамъ (ихъ два, большое и малое, соединенныя проливомъ) часа три, по пути, проложенному по срединѣ озера между рядомъ маяковъ и вѣхъ. Чугунные плавучіе маяки на якоряхъ устроены по новой системѣ и вечеромъ освѣщаются электрическимъ огнемъ. Существовало предположеніе освѣтить электричествомъ все протяженіе канала.

Отъ Горькихъ озеръ до Суэза всего 20 или 25 верстъ; эта послѣдняя часть канала проходитъ по глинисто-каменистой мѣстности. Окружающія горы все болѣе возвышаются, выступая яснѣе и приближаясь къ морю.

Въ четвертомъ часу по полудни предъ нами открылся широкій бассейнъ Суэзскаго залива, за нимъ Черное море и позади, какъ бы прислоняясь къ горному хребту Атака—самый городъ Суэзь, который однако въ дѣйствительности лежитъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ горнаго хребта, не доходящаго въ этомъ мѣстѣ до морского берега.

Такимъ образомъ мы употребили на проходъ канала отъ Портъ-Саида до Суэза ровно три дня. Но въ числѣ этихъ трехъ сутокъ заключались: цѣлый день, проведенный въ Измаиліи, и двѣ ночевки въ Раз-эл-эхъ и въ Сарапеумѣ. При нормальномъ, хотя и медленномъ ходѣ пароходовъ, полагалось допустить скорость до 10 верстъ въ часъ—при чемъ на проходъ всего канала потребовалось бы только 16 часовъ, если бы впослѣдствіи оказалось возможнымъ обходиться безъ ночевки на озерѣ Тимза.

Суэзскій портъ отдѣлялся отъ стараго города мелководными лагунами, по временамъ высохавшими, поперекъ этихъ лагунъ проходила, на разстояніи отъ 2 до 3 верстъ, песчаная насыпь саже-

ней 10 ширины, соединявшая портъ съ городомъ, по которой были проложены рельсы для желѣзной дороги. Вплоть у самаго порта начиналъ уже возникать новый городъ, который, можно было ожидать, превзойдетъ значеніемъ Старый Суэзъ. У порта уже былъ сооружеиъ громадный сухой докъ, въ который могли входить для исправленія величайшіе пароходы англійской компаніи (Peninsular-Oriental), содержавшей періодическія сообщенія между Суэзомъ и Индією. Возлѣ дока былъ построенъ большой каменный домъ, принадлежавшій той же компаніи; нѣсколько правѣе былъ уже расположенъ на берегу цѣлый рядъ другихъ построекъ. Можно было ожидать, что примѣру англійской компаніи послѣдуетъ большая часть другихъ пароходныхъ компаній, а за ними переселятся изъ Старого Суэза въ новый городъ купцы, комиссіонеры, агенты, маклера. Въ то время уже приступлено было къ осушенію мелководныхъ лагунъ, лежавшихъ между портомъ и городомъ, и большая часть вновь создаваемой мѣстности уже была роздана египетскимъ правительствомъ разнымъ компаніямъ для постройки пристаней, доковъ, агентуръ и подобныхъ учрежденій. Французская компанія Messageries Impériales, австрійскій лойдъ, русское Черноморское Общество находились въ числѣ первыхъ обществъ, получившихъ такіе надѣлы. Старый Суэзъ былъ тогда преимущественно арабскій городъ, тѣсный, грязный, съ немощеными пыльными улицами, проходившими между мазанками, окруженными грудями разнаго сора. Въ европейской части города дома, большею частью съ плоскими крышами, были построены изъ желтаго необожженнаго кирпича. Почти во всѣхъ домахъ нижній этажъ былъ занятъ лавками, трактирами, кофейными, передъ дверями которыхъ сидѣли разодѣтыя женщины... По всему было видно, что это городъ, въ которомъ главную роль играли матросы и офицеры, съѣзжавшіе на берегъ отдохнуть послѣ продолжительнаго морского путешествія, повеселиться, покутить и зацѣпиться въ магазинахъ необходимыми предметами жизненнаго обихода и разными издѣліями восточной роскоши. Въ Суэзѣ, лежащемъ на перепутьи изъ Китая и Японіи въ Европу, находился въ то время между прочимъ извѣстный магазинъ китайскихъ и японскихъ фарфоровыхъ вещей, принадлежавшій торговому дому Бурдонъ и К^о. Но кромѣ того, цѣлыя улицы наполнены лавочками, въ которыхъ продаются исключительно издѣлія японскія, индійскія и малайскія. Между ними попадаются впрочемъ и подѣльные европейскія издѣлія. Такъ въ одной такой лавкѣ я сталъ разсматривать небольшой складной наргилэ и хотѣлъ уже купить его, какъ повернувъ его, я увидѣлъ на днѣ штемпель нѣмецкой фабрики; на память я приобрѣлъ въ Суэзѣ двѣ небольшія красивыя

*

японскія фарфоровыя вазочки краклэ, которыя до сихъ поръ стоятъ въ моемъ кабинетѣ и напоминаютъ мнѣ объ интересномъ путешествіи, совершенномъ болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ.

Близъ дебаркадера желѣзной дороги возвышались большіе, красивые каменные дома, въ томъ числѣ двѣ громадныя гостиницы *Hôtel d'Orient* и *Hôtel de Suez*, устроенныя на англійскій ладъ. Вся прислуга въ нихъ состояла изъ китайцевъ. Со времени постройки канала, къ его открытію народонаселеніе Суэза возросло съ 4 до 10 тысячъ жителей. До проведенія прѣсноводнаго канала, жители Суэза много страдали отъ недостатка воды, которая подвозилась издали на верблюдахъ, а впослѣдствіи по желѣзной дорогѣ въ особенныхъ вагонахъ цистернахъ. Расходъ на доставку воды доходилъ ежегодно до 120.000 фр. Вотъ почему, когда былъ открытъ прѣсноводный каналъ (соединяющійся съ моремъ шлюзами), радость мѣстныхъ жителей была безпредѣльна; арабы бѣгали по берегу канала, погружали въ воду голову и руки и никакъ не хотѣли вѣрить, что эта драгоценная вода не утечетъ вся въ море, а навсегда сдѣлается достояніемъ всѣхъ жителей Суэза.

На другой день рано утромъ мы отправились съ экстреннымъ поѣздомъ желѣзной дороги, предоставленнымъ въ распоряженіе русскаго посла, изъ Суэза въ Каиръ. Дорога пролегаетъ нѣсколько часовъ по голой песчаной степи, почти параллельно съ прѣсноводнымъ каналомъ, берега котораго едва начинали покрываться растительностью: мелкій кустарникъ и трава окаймляли его узкой зеленоватой лентой. Мѣстами однообразіе степи прерывалось небольшими каменными станціями, между которыми отъ времени до времени попадались убогія мазанки, въ которыхъ помѣщались сторожа дороги—арабы, какъ и вся прислуга поѣзда. Странно было смотрѣть, какъ изъ этихъ полукруглыхъ кучекъ глины выходили арабы въ лохмотьяхъ и совершенно по-европейски отдавали честь проходившему поѣзду, поднимая рукою небольшой четырехугольный зеленый флагъ. Поровнявшись съ Измаиліей у станціи Нефишъ, поѣздъ поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ налѣво, продолжая путь по песчаной степи еще съ полчаса до станціи Максама. Отсюда онъ выходитъ изъ степного пространства въ полосу растительности, которая, по мѣрѣ приближенія къ Загазигу и Каиру, становится все роскошнѣе. Мѣстность эта, называемая долиною Гессенъ, издавна славилась плодородіемъ. Слово „Гессенъ“ значитъ по-арабски земли пастбищъ; о плодородіи этой мѣстности упоминается уже въ Ветхомъ Завѣтѣ. Поля маисовыя, рисовыя, хлопковые чередовались по обѣимъ сторонамъ дороги; далѣе попадали поля сорго и сахарнаго тростника, между полями были разбросаны

группы тѣнистыхъ деревьевъ: акацій, платанъ и финиковыхъ пальмъ; повсюду были проведены каналы для орошенія полей, на которыхъ были поставлены для этой цѣли ручные черпальные проводы. Орудія обработки полей были самаго первобытнаго устройства, плугъ замѣнялся срубленнымъ деревомъ съ заостреннымъ сукомъ, которое влекли два верблюда, сопровождаемые арабомъ - погонщикомъ. Мѣстами верблюды замѣнялись въ упряжѣ буйволами; на нѣкоторыхъ поляхъ жали хлѣбъ или молотили его подъ открытымъ небомъ волами, медленно двигавшимися около круговыхъ приводовъ. Стаи голубей летали надъ поверхностью земли, нерѣдко попадались ибисы. Вся эта мѣстность дышала какою-то древнею библейскою поэзіею; воспоминанія о временахъ фараоновъ и о судьбахъ еврейскаго народа невольно возникали въ памяти, даже если бы древнія библейскія имена, какъ напр. Источники Моисея, и не напоминали здѣсь почти на каждомъ шагу путешественнику, что онъ находится на почвѣ самыхъ древнихъ и самыхъ богатыхъ историческихъ преданій. Въ Суэзѣ намъ показывали то мѣсто, гдѣ по преданію евреи перешли по сушѣ Чермное море и гдѣ затѣмъ потонулъ гонявшійся за ними фараонъ со всею своею ратью. Это родъ отмели, соединяющей оба берега; во время прилива эта отмель покрывается водою, а во время сильнаго отлива, особенно при большомъ восточномъ вѣтрѣ, почва отмели временно почти совершенно оголяется. Вотъ такимъ моментомъ, по объясненію мѣстныхъ ученыхъ, евреи и воспользовались для перехода черезъ море, устремляясь изъ Египта въ Аравійскую пустыню.

Но только что путешественникъ, забывъ, что онъ летитъ на поѣздѣ желѣзной дороги, успѣвалъ погрузиться мысленно въ глубокую древность священныхъ временъ, какъ взоры его внезапно поражались представителями новѣйшей промышленной цивилизаціи въ видѣ локомотива или пароваго плуга, стоявшаго на срединѣ поля. Большая часть плодородныхъ и богатыхъ полей, лежавшихъ по обѣимъ сторонамъ дороги, принадлежали вице-королю или частнымъ капиталистамъ; феллахскія земли были расположены вверхъ по Нилу. Впрочемъ, около Загазига начинали появляться изрѣдка и арабскія деревни; это были груды грязныхъ землянокъ, мазанокъ съ плоскими крышами, тѣсно скученныхъ на одномъ мѣстѣ, свободное пространство между двумя землянками было обыкновенно наполнено навозомъ; легко себѣ представить, какая въ этихъ жилищахъ,—въ коихъ люди часто помѣщались вмѣстѣ со скотомъ,—должна была господствовать нечистота, и до какой степени они должны были изобиловать разными насѣкомыми. Если несмотря на то въ средѣ этого населенія рѣдко развивались по-

вальныя болѣзни, то это только благодаря благотворному, здоровому и сухому климату; впрочемъ, почти всѣ арабы страдали разными глазными болѣзнями.

Отчасти вслѣдствіе низкой степени умственного и промышленнаго развитія, отчасти вслѣдствіе обремененія разными налогами, египетскій народъ, отличающійся необыкновенною добротою, представлялъ картину крайней бѣдности, несмотря на то, что онъ живетъ посреди плодородной мѣстности, богато надѣленной всѣми дарами природы. Одною изъ главныхъ причинъ его бѣдности слѣдовало считать существовавшую долгое время въ Египтѣ систему монополій. Эта система была введена или по крайней мѣрѣ развита до крайности при Мехметъ-Али. Земледѣлецъ и вообще всякій сельскій производитель былъ принужденъ, подъ опасеніемъ строгаго взысканія, сдавать хлѣбъ и всѣ свои произведенія, за исключеніемъ небольшого количества, необходимаго для собственнаго потребленія, въ казенные магазины, гдѣ они принимались по извѣстной таксѣ. Если собственныхъ запасовъ однако не хватало для продовольствія семейства земледѣльца на весь годъ, то производитель принужденъ былъ, для покупки недостающаго ему количества хлѣба, обращаться въ тѣ же казенные магазины, гдѣ ему приходилось платить за него гораздо дороже, чѣмъ сколько онъ самъ получилъ при сдачѣ въ казенный магазинъ. Результатомъ подобной системы была страшная бѣдность народа; голодъ и болѣзни господствовали въ деревняхъ, здоровое населеніе которыхъ истощалось кромѣ того войнами, которыя постоянно велись при Мехметъ-Али. Смертность развилась ужасающая; цѣлыя деревни совершенно пустѣли, поля превращались въ пустынные земли, которыя, подъ названіемъ Гифликъ (покинутыя селенія), присоединялись къ имуществу вице-короля, раздававшего ихъ членамъ своего семейства.

Эта убійственная монополія была отмѣнена, когда вступилъ на престолъ Саидъ-паша. Феллахамъ была дарована возможность продавать и покупать произведенія своей культуры по вольнымъ цѣнамъ и право произвольно мѣнять мѣсто жительства; эта реформа была нѣчто вродѣ освобожденія крестьянъ. Лучшія земли остались однако въ рукахъ вице-короля и его семейства, которымъ принадлежала въ то время восьмая часть годныхъ для обработки земель. Самое выгодное производство, воздѣлываніе хлопка было преимущественно сосредоточено на земляхъ хедива. Обработка хлопка получила уже въ то время такое развитіе въ Египтѣ, что эта культура стала вытѣснять даже мѣстами воздѣлку зерновыхъ хлѣбовъ до того, что Египеть, всегда считавшійся житницею Европы, самъ сталъ нуждаться въ привозѣ хлѣба. Изъ всѣхъ земель, которыя

воздѣлывались феллахами, около одной пятой принадлежало имъ въ собственность, остальные же четыре пятыхъ составляли собственность казны; за пользованіе ими они платили оброкъ или отбывали барщину. Съ собственныхъ земель они платили 10-процентную доходную подать. Какъ тѣ, такъ и другія земли состояли у нихъ въ личномъ владѣніи, общинное владѣніе было неизвѣстно въ Египтѣ. Значительную часть дохода селянина составляли финиковыя пальмы—каждая пальма давала ежегодно среднимъ числомъ около 6 таларисовъ (т. е. до 30 франковъ) дохода, но зато онѣ и были обложены спеціальнымъ налогомъ по одному таларису (5 франковъ) съ дерева.

Послѣ получасовой остановки въ Загазигѣ, довольно большомъ арабскомъ городѣ, въ которомъ производилась значительная торговля хлѣбомъ и разными сельскими произведеніями, поѣздъ желѣзной дороги тронулся въ дальнѣйшій путь; намъ оставалось только около двухъ часовъ ѣзды до Каира.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали приѣзда въ этотъ волшебный городъ. До сихъ поръ мы видѣли только берега канала и степную часть Египта. Александрія не могла дать понятія о восточномъ городѣ — это Петербургъ Египта. Но столица Египта, священный городъ Мазръ-Эль-Каиръ, городъ пальмъ, мечетей, арабскихъ базаровъ и дворцовъ, представлялся нашему воображенію чѣмъ-то сказочнымъ, какъ бы явленіемъ изъ тысячи и одной ночи. Наконецъ, въ семь часовъ вечера поѣздъ остановился у станціи Каиръ. Уже совершенно стемнѣло и потому при вѣздѣ нельзя было составить себѣ понятія о видѣ города. У станціи толпилось множество людей и экипажей. Въ то время, какъ мы возились съ нашимъ багажемъ, къ намъ подошелъ египетскій комиссаръ и объяснилъ намъ по-французски, что мы можемъ ѣхать прямо въ *Shepherds-Hotel*, въ которомъ для гостей хедива были приготовлены комнаты. Пользуясь указаніемъ любезнаго комиссара, мы сѣли въ коляску и отправились въ *Shepherds-Hotel* по улицамъ, обстроеннымъ европейскими домами, освѣщенными газомъ и представлявшими совершенно видъ европейскаго города, къ немалому нашему разочарованію. Въ гостиницѣ, помѣщавшейся въ большомъ каменномъ домѣ на Эзбекіэ и устроенной на англійскій ладъ, мы дѣйствительно немедленно нашли приготовленное для насъ помѣщеніе.

Гостепріимство хедива (т. е. вице-короля) было по-истинѣ баснословное. Всѣ приглашенные къ открытію канала считались его гостями и были размѣщены на его счетъ. У меня была красивая комната, каждый день превосходный кофе, завтракъ и обѣдъ съ шампанскимъ, и за все это не приходилось платить. Не желая жить все время на счетъ хедива, я на третій день послѣ приѣзда въ

Каиръ объявилъ, что я теперь желаю помѣститься и жить на собственный счетъ, такъ какъ я еще нѣкоторое время думаю пробить въ Каирѣ. Мнѣ дѣйствительно отвели другую комнату, но когда въ день отъѣзда, послѣ десятидневнаго пребыванія, я потребовалъ счетъ, мнѣ объявили, что я, какъ гость хедива, ничего платить не долженъ, и несмотря на всѣ мои протесты, взыскали съ меня только нѣсколько франковъ за сельтерскую воду, которую я требовалъ внѣ обычныхъ часовъ ѣды. По всей вѣроятности содержателямъ гостиницъ было выгоднѣе имѣть жившихъ у нихъ лицъ на счетъ хедива,—которому пришлось платить несомнѣнно болѣе того, что можно было поставить на счетъ частнымъ лицамъ. Впрочемъ, мнѣ говорили, что цѣны въ то время были довольно опредѣленныя и умѣренныя, платилось по наполеондору, т. е. 20 фр. въ главныхъ гостиницахъ за комнату съ пансіономъ, при чемъ кормили очень хорошо, слѣдовало платить особо только за вина, а такъ какъ намъ за каждымъ обѣдомъ кромѣ другихъ винъ подавалось еще шампанское, то наше содержаніе обходилось вѣроятно хедиву гораздо дороже.

Едва мы размѣстились въ гостиницѣ, какъ пришлось собираться на балъ, который вице-король давалъ въ этотъ вечеръ во дворцѣ Казръ-Эль-Нилъ. Экипажи по этому случаю были внѣ всякой цѣны; за коляску, которыхъ въ Каирѣ было немного, платили по сто франковъ за вечеръ и даже за эту цѣну трудно было получить экипажъ. При такомъ положеніи дѣла я рѣшился послѣдовать примѣру большинства пріѣзжихъ и отправиться на балъ верхомъ на ослѣ. Подобное путешествіе во фракѣ и бѣломъ галстухѣ имѣло довольно комичный видъ. Дорога въ Казръ-Эль-Нилъ, версты три, шла по хорошему шоссе, окаймленному каменными тротуарами, между садами и неоконченными постройками, изъ-за которыхъ мѣстами выглядывали пальмы. Дорога эта, тогда только что отдѣланная, напоминала нѣкоторыя изъ боковыхъ аллей (Avenues) въ Champs Elysées въ Парижѣ. На концѣ улицы горѣлъ весь въ разноцвѣтныхъ огняхъ дворецъ Казръ-Эль-Нилъ. Такъ какъ приглашенныхъ была масса, всѣ прибывшіе европейцы съ дамами, то при теплой ночи, жара въ залахъ, роскошно убранныхъ, была тропическая. Пробывъ часа два въ этой толпѣ, я отправился обратно тѣмъ же способомъ, т. е. верхомъ на моемъ осликѣ. Послѣ пребыванія въ жаркихъ залахъ, совершенно въ испаринѣ, пришлось проѣхать такимъ образомъ ночью обратныя три версты, всего въ легкомъ пальто—и несмотря на то, никто изъ насъ не простудился, до того восхитительны египетскія ночи; вотъ почему Каиръ считается однимъ изъ лучшихъ климатическихъ пунктовъ для легочныхъ больныхъ; говорили, что спеціальность каирскаго воздуха

вызывать быстрое заживленіе (cicatrisation) всякихъ ранъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ.

Каиръ-Эль-Нильскій дворець, казавшійся ночью, при блестящемъ освѣщеніи, волшебнымъ зданіемъ, представлялся днемъ въ совершенно другомъ видѣ. Это длинный рядъ строеній, окружающій съ трехъ сторонъ два большихъ четырехугольныхъ сквера, прилегающихъ четвертой стороной непосредственно къ берегу Нила. Правая половина этихъ построекъ составляла собственно дворець, а лѣвая половина—казармы, непосредственно граничившія съ дворцомъ. Несмотря на то, что зданіе было построено очень недавно, оно находилось уже въ полномъ разрушеніи; стекла въ окнахъ были разбиты, рамы переломаны, на дворѣ груды мусора и обломковъ, посреди которыхъ растянута палатки, въ которыхъ жили солдаты, такъ какъ самое строеніе было уже почти необитаемо. Это одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ египетской системы экономіи. Каждый годъ почти строились новые дворцы и казенныя зданія, но ничего не расходовалось на поддержаніе ихъ; когда зданіе приходило въ ветхость, его покидали и строили новое. Тотъ же халатный порядокъ я замѣтилъ нѣсколько лѣтъ спустя и въ Константинополѣ. Это, кажется, общее правило на востокѣ.

Въ Каирѣ я познакомился съ нашимъ знаменитымъ маринистомъ Н. К. Айвазовскимъ, такъ какъ насъ помѣстили съ нимъ въ одной комнатѣ. Я съ нимъ съ самаго начала очень сблизился, мы оставались съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ до самой его смерти.

На слѣдующій день, когда я проснулся, теплое каирское солнце освѣщало небольшой, но красивый садъ гостиницы, который былъ разбитъ на дворѣ передъ моими окнами. Этотъ садъ былъ наполненъ тѣнистыми акаціями, огромными пенданеа (деревья, пускающія корни изъ вѣтвей, находящихся на разстояніи двухъ, трехъ саженой отъ земли), разнообразными кустарниками, между которыми отличалось индѣйское растеніе съ большими красными цвѣтами (*polincetia pulcherrima*), розами и другими цвѣтами; посреди сада возвышался фонтанъ изъ бѣлаго мрамора. Я поспѣшилъ одѣться и отправиться на подъѣздъ гостиницы, устроенный въ видѣ балкона. Отсюда можно было обнять взоромъ почти всю европейскую часть города.

Передъ гостиницею находился обширный скверъ и садъ Эзбекіэ, обнесенный красивою желѣзною рѣшеткой. Эзбекіэ былъ окруженъ красивыми каменными постройками, большею частью гостиницами, *Shepherds Hotel* и *Oriental Hotel* въ углу сквера, окруженный группою пальмъ, наконецъ, *New-Hotel*, громаднѣйшее зданіе изъ сѣраго камня, похожее на старинный дворець и устроенное со всѣми удобствами утонченнаго европейскаго комфорта. Передъ *New-Hôtel*

были расположены три большія зданія: опера, французскій театръ и циркъ. Эта часть города напоминала отчасти Брюссель, отчасти итальянскіе города. Парижъ Гаусмана напоминали только новыя неоконченныя постройки, которыя встрѣчались на каждомъ шагу; вездѣ строили, ломали, подвозили кирпичъ и известку, обдававшую пылью проходящихъ при малѣйшемъ вѣтрѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Oriental-Hôtel начинается арабскій городъ съ улицей Муски. Небольшой, мало замѣтный переулокъ соединяетъ эти двѣ части города, отъ чего получается удивительное впечатлѣніе. Изъ центра европейскаго города вдругъ переносишься въ самую глубину арабскаго города, гдѣ все дышетъ востокомъ, гдѣ ничего не напоминаетъ Европу, какъ-будто въ Каирѣ и не существуетъ европейской части города. Ощущаешь такое чувство, какъ будто въ мигъ человекъ перелетѣлъ на коврѣ-самолетѣ изъ одной части свѣта въ другую.

Улица Муски это Невскій проспектъ арабскаго Каира; это самая широкая изъ арабскихъ улицъ Каира, не шире, однако, любого изъ нашихъ переулковъ,—она была окаймлена высокими домами, построенными въ восточномъ стилѣ. Мѣстами черезъ всю улицу, съ одной крыши на другую были переброшены зеленые и красные ковры, для защиты отъ лучей солнца. Эти покрывала, въ обыкновенное, не праздничное время замѣнялись просто досками, которыя раскладывались съ крыши на крышу и отгѣняли улицу. По всей длинѣ Муски нижніе этажи домовъ были заняты магазинами и лавками, которые придавали этой улицѣ чрезвычайно пестрый видъ: сначала шли разные европейскіе магазины: модные, галантерейные, книжныя лавки, аптеки; затѣмъ магазины начинаютъ перемежаться арабскими лавками, число которыхъ постоянно увеличивается, по мѣрѣ того, какъ подвигаешься далѣе по улицѣ. Передъ каждой лавкой стояли стулья и скамьи, на которыхъ сидѣли покупатели, разговаривая съ хозяиномъ лавки и рассматривая товары, часто самъ лавочникъ-ремесленникъ, тутъ же на улицѣ, занимался выдѣлкою предметовъ своей торговли. Около середины улицы возвышалась мечеть, которая издали казалась сложенною изъ бѣлаго и краснаго мрамора, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалось, что она была оштукатурена известкой и раскрашена бѣлымъ и краснымъ цвѣтомъ. Муски всегда была наполнена массой народа; тутъ толпились и европейцы и арабы въ полосатыхъ бурнусахъ и нубійскіе негры, черные какъ смоль, одѣтые въ лохмотья, и армяне въ полу-европейскомъ, полуазіатскомъ костюмѣ, наконецъ, евреи. То же разнообразіе представлялось и въ женскихъ типахъ; тутъ можно было видѣть и арабскую женщину-работницу, въ синемъ или черномъ бу-

мажномъ балахонѣ, перетянутомъ черезъ голову и соединенномъ съ нижнею частію одежды металлическимъ украшеніемъ, которое приходилось у нихъ противъ носа, такъ что видны были только одни глаза, и турчанку въ пестромъ одѣянніи изъ той же бумажной ткани, и левантинку, никогда не выходящую пѣшкомъ, а развѣзжающую всегда на ослѣ, завернутою въ широкое, черное, тафтяное одѣянне, которое она поддерживала съ обѣихъ сторонъ растопыренными руками, такъ что издали походила на какой-то черный пузырь; и представительницъ восточнаго *demi-monde*, въ голубыхъ и розовыхъ атласныхъ одѣянніяхъ, и, наконецъ, европейскихъ дамъ въ роскошныхъ парижскихъ модныхъ костюмахъ,—все это образовало одну густую пеструю толпу.

Посреди этой толпы можно было видѣть бѣгущаго и кричавшаго на постороннихъ человѣка, въ красивомъ бѣломъ одѣянніи, опоясанномъ широкою пестрою шалью, съ босыми ногами, длинныя бѣлыя рукава котораго развѣвались на воздухѣ какъ крылья—это саисы; передъ ними толпа расходилась въ сторону, давая дорогу экипажу, который несся за саисомъ. Въ Каирѣ ни одинъ экипажъ не проѣзжалъ по городу безъ саиса или скорохода; даже часто всадники вмѣсто жокеевъ сопровождались саисами; при узкихъ, невымощенныхъ, постоянно наполненныхъ народомъ улицахъ, безъ саиса трудно было бы и ѣздить, такъ какъ экипажъ катится по мягкой дорогѣ безъ шума; приходилось бы или ѣхать шагомъ или постоянно подвергаться опасности задавить кого-либо изъ проходящихъ; вотъ почему даже простые извозчики имѣли передъ экипажемъ саиса, хотя и въ лохмотьяхъ и грязно одѣтаго. По Муски проходили постоянно религіозныя процессіи; тутъ можно было встрѣтить почти ежедневно или свадебную процессію, ведущую невѣсту, закутанную съ головы до ногъ въ красное кумачевое покрывало, обвѣшанную разными золотыми монетами и украшениями, тихо и мѣрно шествующую подъ балдахинномъ, поддерживаемымъ четырьмя копиями, при оглушительныхъ звукахъ болѣе или менѣе значительнаго оркестра музыки, въ сопровожденіи всего семейства, родственниковъ и мусульманскаго духовенства,—тутъ же можно было встрѣтить погребальную процессію, такъ называемыхъ арабскихъ святыхъ, гробъ которыхъ несутъ на плечахъ, окруженный разными знаменами, и разныя другія процессіи. Пробравшись съ трудомъ черезъ всю эту пеструю толпу до середины улицы и поворотивъ направо, посетитель входилъ въ безконечный рядъ самыхъ узкихъ переулковъ, исключительно наполненныхъ лавками—это знаменитый базаръ Ханъ-Халифъ. Тутъ продавались арабскія, сирійскія и другія восточныя ткани, шитые золотомъ и шелкомъ готовые костюмы, ковры,

туфли и разныя кожанныя издѣлія, драгоценныя чубуки, древнее оружіе, бирюза, золотыя и серебряныя издѣлія—и все это въ маленькихъ, грязныхъ лавчонкахъ. Продавецъ, обыкновенно арабъ, не понимавшій ни слова ни на одномъ европейскомъ языкѣ; ему покупатель-европеецъ показывалъ какую-либо вещь въ его лавкѣ и знаками спрашивалъ цѣну; на это онъ молча, пальцами начиналъ отсчитывать число франковъ или золотыхъ, смотря по достоинству товара, составляющихъ его цѣну. Покупателя и продавца немедленно обступала толпа зѣвакъ, которые съ интересомъ слѣдили за результатомъ торга; изъ толпы отдѣлялся обыкновенно армянинъ, предлагавшій служить переводчикомъ; наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ покупка совершалась по цѣнѣ значительно пониженной. Посѣтитель отправлялся дальше, но услужливый переводчикъ, если разъ обратиться къ его посредничеству, уже не отставалъ отъ посѣтителя и продолжалъ все время служить ему переводчикомъ, довольствуясь весьма умереннымъ вознагражденіемъ, двухъ-трехъ франковъ за нѣсколько часовъ, проведенныхъ съ нимъ.

Противъ базара Ханъ-Халифа, направо изъ Муски вела улица къ Каирской цитадели, окруженной гробницами халифовъ. Цитадель вмѣстѣ съ мечетью Мехметъ-Али лежитъ на высокомъ скалистомъ холмѣ, господствуя надъ всѣмъ городомъ. Необыкновенно высокіе и стройные минареты мечети, какъ два исполинскія копья, возвышаются на переднемъ фасадѣ строенія. Въ этой мечети погребенъ Мехметъ-Али, его великолѣпную гробницу, высѣченную изъ камня съ разными арабскими надписями и золотыми украшеніями, показывали путешественникамъ, при чемъ обыкновенно проводникъ рассказывалъ разные факты изъ жизни этого замѣчательнаго лица, такъ высоко поднявшаго въ свое время значеніе Египта. Всѣ подобные рассказы были интересны тѣмъ, что они рисовали нѣсколькими рельефными чертами, легко врѣзывавшимися въ память слушателя весьма удачную характеристику той смѣси жестокости, энергіи и грандіозности, которыми отличались всѣ дѣйствія Мехметъ-Али. Такъ, напр., какъ мнѣ рассказывалъ проводникъ, находясь на пути въ Верхній Египетъ, Мехметъ-Али получилъ извѣстіе о вспыхнувшемъ въ Каирѣ бунтѣ; съ быстротою молніи возвратился въ столицу для подавленія возстанія и наказанія виновныхъ; его несчастный санъ палъ мертвымъ отъ изнеможенія, въ тотъ самый моментъ, какъ онъ вѣзжалъ въ Каирскія ворота.

Въ этой же цитадели происходила 1-го марта 1811 года рѣзня мамелюковъ. Мамелюки, какъ извѣстно, составляли въ Египтѣ родъ преторіанской гвардіи, пользовавшейся необычайнымъ вліяніемъ и накопившей несмѣтныя богатства. Желая избавить страну отъ па-

губнаго вліянія этого всемогущаго войска, Мехметъ-Али пригласилъ начальниковъ мамелюковъ на пиръ въ цитадель. Они явились въ праздничныхъ одѣянїяхъ, безъ оружія; но едва только они вошли въ цитадель, какъ въ узкомъ проходѣ бросились на нихъ албанцы, которые для этой цѣли предварительно были помѣщены въ засадѣ по приказанію Мехметъ-Али, и всѣхъ ихъ перерѣзали. Изъ приглашенныхъ на пиры мамелюковъ спасся только одинъ, Гананъ-Бей, соскочившій на конѣ съ высоты восьми-саженной скалы. Мѣсто это все еще показывалось путешественникамъ; оно такъ и называлось Прыжокъ Мамелюка (Le Saut du Mameluk). Конь его палъ мертвымъ,—всадникъ же отдѣлался нѣсколькими ушибами и ему удалось спастись, но ощущенія, испытанныя имъ во время этой катастрофы, подѣйствовали на несчастнаго такъ сильно, что вслѣдъ за тѣмъ онъ сошелъ съ ума. Все громадное имущество мамелюковъ было конфисковано въ пользу хедива. За мечетью находится небольшой дворъ, на которомъ похоронены всѣ вмѣстѣ мамелюки, умерщвленные 1 марта 1811 года. Находясь въ мечети возлѣ гробницы Мехметъ-Али, я видѣлъ изъ окна у самой стѣны мечети кладбище мамелюковъ. Такимъ образомъ и виновникъ этой рѣзни и его жертвы покоились мирно вѣчнымъ сномъ въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга.

У подошвы холма, на которомъ стоитъ цитадель, по обширному пустынному каменисто-песчаному мѣсту были разбросаны въ безпорядкѣ гробницы прежнихъ халифовъ. Это были полу-разрушенныя четверугольныя постройки изъ желтаго песчаника, въ древнемъ арабскомъ стилѣ, накрытыя куполомъ, разукрашеннымъ самыми затѣйливыми арабесками и арабскими письменами, высѣченными въ камнѣ. Къ сожалѣнію, почти ничего не дѣлалось для сохраненія этихъ драгоценныхъ памятниковъ древней арабской архитектуры.

Съ террасы цитадели взорамъ посѣтителя представлялась чудная панорама. Почти необозримая масса домовъ, между которыми были разбросаны группы роскошныхъ тѣнистыхъ деревьевъ и пальмъ, мѣстами возвышались куполы мечетей и шпицы легкихъ минаретовъ; на второмъ планѣ виднѣлась широкая сѣрая полоса Нила, окаймлявшая городъ, за нимъ степь, а на горизонтѣ пирамиды Гизѣ. Вдоль самаго Нила была расположена загородная часть Каира—форштадты. Здѣсь многое напоминало Италію, напр., высокія стѣны, окаймлявшія по обѣимъ сторонамъ улицы, изъ-за которыхъ выглядывала темная зелень апельсинныхъ деревьевъ. Въ архитектурѣ Каирскихъ домовъ проявлялась какая-то смѣсь восточнаго стили съ греческимъ и итальянскимъ. Очевидно, что греки, какъ въ южной Италіи, такъ и здѣсь оставили свой отпечатокъ. Даже утварь, ко-

торая попадалась на глаза путешественнику, часто представляла необычайное сходство съ утварью, открытой въ древней Помпеѣ. Въ Помпеѣ вино хранилось въ большихъ, глиняныхъ остроконечныхъ къ низу сосудахъ, которые устанавливались въ нѣсколько рядовъ вдоль стѣны дома и засыпались по горло землей, для сохраненія прохлады. Тѣ же сосуды и совершенно въ томъ же видѣ расположенные я видѣлъ и въ Каирѣ. Замѣчательно, что такіе же большіе глиняные сосуды встрѣчаются и у насъ въ Крыму.

Такимъ образомъ въ Египтѣ сохранились въ первообразномъ своемъ видѣ формы и обычаи, которые господствовали въ южной Италіи около 2.000 лѣтъ тому назадъ. Вообще можно было замѣтить, что самый способъ народной производительности оставался въ Египтѣ на той же самой степени развитія, на которой онъ находился сотни лѣтъ тому назадъ, весьма мало затронутый тѣмъ внѣшнимъ напускомъ цивилизаціи, которую уже болѣе тридцати лѣтъ египетское правительство стремилось укоренить въ странѣ.

Осмотрѣвъ самый городъ, оставалось еще ознакомиться съ окрестностями Каира. Дорога, параллельная съ Ниломъ, ведущая въ Шубру,—роскошный садъ, въ которомъ помѣщался гаремъ Галимъ-паши, дяди вице-короля, жившаго въ Константинополѣ, представляла любимую прогулку каирскихъ жителей. Ряды величественныхъ сикоморъ и акацій, окаймляя дорогу, придавали ей видъ безконечной тѣнистой аллеи. Зелень этихъ деревъ была до того густа, что лучи солнца почти не могли проникать на дорогу. По обѣимъ ея сторонамъ были расположены дворцы и виллы родственниковъ и приближенныхъ вице-короля. Все это были зданія большею частію въ новѣйшемъ итальянскомъ стилѣ, окруженные небольшими, но очень красиво устроенными садами. На второй или третьей верстѣ отъ Каира строенія прекращались и передъ глазами гуляющаго открывался широкій кругозоръ: съ лѣвой стороны Ниль, а за нимъ безпредѣльная степь; на берегахъ Нила мелькали вдали пальмы и группы лиственныхъ деревъ; съ правой стороны разстилались богатые поля, прорѣзываемыя прѣсноводнымъ каналомъ. Каждый день около трехъ часовъ по полудни весь каирскій *beau monde* прогуливался и разѣзжалъ по шубрской аллеѣ. На концѣ аллеи за желѣзной рѣшеткой, въ боскетѣ кустовъ и тѣнистыхъ деревьевъ, возвышался, окаймленный самыми яркими цвѣтами востока, дворецъ, въ которомъ помѣщался гаремъ Галимъ-паши. Рѣдко приходилось видѣть такую массу мандариновыхъ деревьевъ, вѣтки коихъ изгибались подъ тяжестью спѣлыхъ плодовъ, обдававшихъ всю мѣстность душистымъ ароматомъ,—какъ въ шубрскомъ саду. Для посѣтителей, снабженныхъ входными билетами, садъ былъ ежедневно

открыть до трехъ часовъ, послѣ чего предоставленный въ исключительное распоряженіе обитательницъ дворца, онъ закрывался для нескромныхъ взоровъ посѣтителей.

Кромѣ шубрской аллеи по обоемъ берегамъ Нила было разбросано еще нѣсколько дворцовъ Измаиль-паши, изъ которыхъ несомнѣнно самымъ красивымъ былъ дворецъ Эль-Джезиръ, лежавшій по ту сторону Нила и отличавшійся особенною роскошью убранства; мраморныя колоннады, фонтаны, золотыя и другія богатыя украшенія останавливали взоры посѣтителя на каждомъ шагѣ (Нынѣ этотъ дворецъ превращенъ въ гостиницу).

Напротивъ Эль-Джезира, по лѣвой сторонѣ Нила, находился знаменитый Булакскій музей египетскихъ древностей, открытыхъ большею частью въ гробницахъ и древнихъ храмахъ, находившихся вблизи пирамидъ. Музей этотъ былъ устроенъ египетскимъ правительствомъ по указаніямъ знаменитаго археолога Маріэтта и состоялъ подъ его управленіемъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Шубры, внизъ по Нилу было расположено поперекъ рѣки громадное каменное сооруженіе, шлюзы, извѣстныя подъ названіемъ *baggage du Nil*. Эта постройка изъ краснаго кирпича, сооруженная въ готическомъ стилѣ, представляла рядъ каменныхъ шлюзовъ поперекъ всего Нила, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ развѣтвляется на Розетскій и Даміетскій рукава. Главная задача этихъ шлюзовъ—регулированіе воды Нила послѣ его разлитія. Когда разливъ бываетъ сильный, то шлюзы открываются и лишняя вода стекаетъ безпрепятственно въ Средиземное море. Если же весенній разливъ, вслѣдствіе недостатка дождей, невеликъ, то шлюзы закрываются и вода, сдержанной въ своемъ теченіи рѣки, возвышается въ уровнѣ и распределяется почти на то же пространство, какъ и въ года сильныхъ разливовъ. Около этого же мѣста было устроено значительное укрѣпленіе для защиты Каира отъ непріятели, который вздумалъ бы подняться вверхъ по Нилу—это Каирскій Кронштадтъ.

Поѣздка на знаменитыя пирамиды Гизѣ представляетъ нѣсколько болѣе дальнюю экскурсію. Пирамиды эти находятся верстахъ въ десяти отъ берега Нила, на рубежѣ воздѣлываемой плодоносной земли отъ голой степи, рѣзкая линія отдѣляетъ зеленый цвѣтъ первой отъ желтой степи. Противъ пирамидъ, полупогрузившійся въ степной песокъ, лежитъ громадный каменный сфинксъ, нѣсколько тысячелѣтій уже смотрящій на пирамиды. Осмотрѣвъ пирамиды, я отправился на ослѣ еще дальше въ степь, до развалинъ храма Сераписа, лежащаго близъ древняго Мемфиса.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Каира, близъ Аббассіэ былъ устроенъ ипподромъ для скачекъ.

Послѣ десятидневнаго пребыванія въ Каирѣ и вторичнаго посѣщенія Измаиліи, о которомъ я упоминалъ выше, пришлось собраться въ обратный путь.

Остается только упомянуть еще о двухъ курьезныхъ эпизодахъ послѣднихъ дней моего пребыванія въ Каирѣ.

Какой-то аферистъ явился къ нашему обществу съ предложеніемъ устроить для насъ представленіе извѣстнаго арабскаго танца алмей, „муха“, *La mouche*. Онъ таинственно сообщилъ намъ, что такъ какъ при этомъ танцѣ происходитъ раздѣваніе танцующихъ алмей, то въ настоящее время эти танцы воспрещены въ Египтѣ, но что у хедива исходатайствовали разрѣшеніе устроить такое представленіе для европейскихъ посѣтителей и что потому это надо было сохранять въ тайнѣ. Представленіе это должно было обойтись въ 2.000 франковъ, такъ какъ, по его словамъ, надо было для того нанять большое роскошное помѣщеніе, устроить угощеніе шампанскимъ и довольно дорого заплатить алмеямъ.

Какъ это ни странно, но большинство нашего общества увлеклось этимъ нелѣпнымъ предложеніемъ, нашлось около двадцати человекъ, согласившихся внести по 100 франковъ. Меня обѣщанное зрѣлище совершенно не прельщало, тѣмъ болѣе, что нѣсколько дней тому назадъ, гуляя вечеромъ съ однимъ изъ моихъ спутниковъ по улицамъ Каира, нашъ проводникъ предложилъ намъ войти въ одинъ домъ, чтобы посмотрѣть на танецъ „муха“. Мы послѣдовали за нимъ и вошли въ какую-то конуру, въ которой довольно пожилая и грязная женщина стала выдѣлывать передъ нами это довольно отвратительное представленіе, за которое мы заплатили ей 20 франковъ.

Не желая однако выдѣлаться изъ нашего общества, я согласился также внести сто франковъ. На этотъ разъ намъ обѣщали чудеса красоты и изящества. Въ назначенный день все наше общество отправилось на мѣсто представленія, лежавшее въ одномъ изъ дальнихъ закоулковъ города. И что же—оказалось довольно грязное, хотя просторное помѣщеніе, убранное разными тряпками, и въ немъ двѣ или три немолодые и некрасивыя женщины кривлялись, представляя танецъ „мухи“,—къ тому же въ одной изъ нихъ я узналъ ту же женщину, которая нѣсколько дней тому назадъ, за 20 франковъ, угощала насъ тѣмъ же отвратительнымъ зрѣлищемъ. Такимъ образомъ мы заплатили 2.000 франковъ за мало изящное представленіе, которое можно было видѣть за какихъ-нибудь двадцать франковъ. Хорошо же посмѣялись надъ нами мѣстные аферисты.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.